

К ВОПРОСУ О РОЛИ СУБСТРАТА В ИСТОРИИ СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ

А. ВРАЧУ

I

Вопрос о роли субстрата в истории славянских языков мало исследован. Существует мнение, согласно которому в истории славянских языков (и диалектов) субстрат существенной роли не играл. Однако, имеются данные, позволяющие утверждать, что, как и в других индоевропейских языках, влияние автохтонных элементов было достаточно сильным и в славянских языках. Ведь и славяне, подобно носителям романской, германской или индийской речи, вытеснили прежние, коренные племена и их языки. Другое дело, что до сих пор в вопросе о воздействии субстрата на славянские языки не все еще ясно, много гипотетического или — в лучшем случае — правдоподобного.

Как известно, теория субстрата больше разработана на материале особенно романских языков, но и там мнения языковедов сильно расходятся¹. Поучительны в этом отношении попытки определить роль автохтонного элемента в образовании румынского языка. Несмотря на то, что данный вопрос неоднократно обсуждался, все же, ввиду его

¹ По этому вопросу см. М. В. СЕРГИЕВСКИЙ, *Введение в романское языкознание*, изд. II, Москва, 1954, стр. 153—159, 162—163; IORGU IORDAN, *Lingvistica romanică. Evoluție. Curențe. Metode*, București, 1962, стр. 17—18. Относительно роли субстратов в истории языков см. AL. GRAUR, *Studii de lingvistică generală*, București, 1960, стр. 399—407; В. А. ЗВЕГИНЦЕВ, *Очерки по общему языкознанию*, Издательство Московского Университета, 1962, стр. 213—214. См. также «Доклады и сообщения Института языкознания Академии наук СССР», т. IX, Москва, 1956 (сборник, посвященный целиком проблеме субстрата); Т. А. ДЕГТЕРЕВА, *О некоторых историко-познавательных моментах в изучении языковых контактов*, «Проблемы развития в языке», Издательство ВПШ и АОН при ЦК КПСС, Москва, 1959, стр. 3—18.

исключительной трудности, он не может считаться окончательно решенным¹. Предположения, высказанные по этому поводу различными исследователями XIX и XX вв., довольно противоречивы. Так, нет еще единого мнения даже по вопросу о том, что следует считать субстратом румынского языка: фракийский, иллирийский, фрако-иллирийский, дакийский, дако-гетский, фрако-дако-гетский или же дако-мизийский. Это объясняется тем, что не все авторы имеют ясного представления о сущности древних балканских языков и их взаимодействии в тот период, когда римляне завоевали Дакию. С другой стороны, относительно некоторых из них возникают споры: являются ли они разными языками или же разными диалектами одного и того же языка. В свете исследований, опубликованных за последнее время болгарским ученым акад. Вл. Георгиевым², можно считать уже установленным, что дакийский (или дако-мизийский) является субстратом румынского языка. Тем не менее спорные вопросы остаются. Главным образом это относится к идентификации субстратных элементов в тех случаях, когда нет (или пока еще не найдено) соответствий в албанском. Кроме того, имеются трудности, связанные с тем, что одни и те же румынские слова по-разному интерпретируются разными исследователями: то как унаследованные от субстрата, то как заимствованные (из славянского, греческого, германского или венгерского — иногда турецкого). Здесь еще пока не выработана строгая методология этимологических исследований. Однако, все то, что в румынском не может быть объяснено с помощью латинского, романского или соседних языков нужно отнести, гипотетически, конечно, за счет субстрата³. Несомненно, в таком слу-

¹ Этот вопрос снова стал актуальным, благодаря особенно исследованиям, проведенным в Румынской Народной Республике с целью разностороннего изучения многочисленных проблем, связанных с происхождением румынского языка и румынского народа.

² См. его труды: *Тракийският език*, София, 1957, стр. 54—83; *Исследования по сравнительно-историческому языкознанию (Родственные отношения индоевропейских языков)*, Москва, 1958, стр. 112—145; *Въпроси на българската етимология*, София, 1958, стр. 89—119; *Albanisch, Dakisch-Mysisch und Rumänisch*, «Балканское языкознание», II, София, 1960, стр. 1—19; *Dakisches Substrat in der rumänischen Lautlehre*, «Studii și cercetări lingvistice» (в дальнейшем SCL), XI, 1960, вып. 3, стр. 481—484; *Raporturile dintre limbile dacă, tracă și frigiană*, «Studii clasice», 1960, стр. 39—58; *Българска етимология и ономастика*, София, 1960, стр. 76—129 (См. нашу рецензию в «Studii și cercetări științifice», Filologie, Academia R.P.R., Filiala Iași, XII, 1961, вып. 2, стр. 265—271); *Sur l'ethnogenèse des peuples balkaniques — le dace, l'albanais et le roumain*, «Studii clasice», III, 1961, стр. 23—27; *La toponymie ancienne de la péninsule balkanique et la thèse méditerranéenne*, Sofia, 1961, стр. 5—11; *Zur dakischen Hydronymie*, «Acta Antiqua Academiae Scientiarum Hungaricae», t. X, 1962, fasc. 1—3, стр. 115—118; *Dak. Δροβητης, Dru / obeta(e) = Rum. druete «Holz»*, «Отисак из Зборника за филологију и лингвистику», књ. IV—V, Нови Сад, 1961—1962, стр. 85—86. См. также ВЛ. ГЕОРГИЕВ, ИВ. ДУРИДАНОВ, *Езикознание*, София, 1959, стр. 337—338 (глава написана Вл. Георгиевым).

³ Если только это не позднейшие новообразования, возникшие на румынской почве. Известно (см. I. I. RUSSU, *Limba traco-dacilor*, București, 1959), что в румынском языке нет албанских заимствований. Так называемые албанские заимствования в румынском это, фактически, слова с более архаичным (чем в албанском) фонетическим обликом и морфологической структурой (см. также S. PUȘCARIU, *Limba română*, vol. I. *Privire generală*, București, 1940, стр. 178—179. Так, примеры вроде

чае мы должны использовать данные сравнительно-исторического метода, сопоставляя эти слова со словами других индоевропейских языков на основании критериев, установленных для слов, имеющих прямые соответствия в албанском.

Столь же спорным является и вопрос о происхождении рум. *ă*, болг. *ѣ* и алб. *ë*, а также спиранта *h* в румынском и албанском. Эти процессы допускают двойное объяснение: и посредством субстрата (А. Филиппиде, К. Погирк, Гр. Брынкуш), и посредством славянского влияния (акад. Э. Петрович, акад. А. Росетти)¹.

Еще сложнее обстоит вопрос о наличии субстратных следов в грамматической структуре не только румынского и албанского, но и славянских языков. Конечно, и здесь допустимо влияние языка автохтонного населения; однако, доказательств для этого у нас почти нет. Так, ни возникновение постпозитивного артикля, ни совпадение родительного

рум. *bască* — алб. *bashkë*, рум. *strepede* — алб. *shtrep*, рум. *strungă* — алб. *shtungë* показывают, что румынские формы, содержащие *s*, более старые, в то время как в албанском *sh* развился впоследствии из *s*. По сравнению с производным албанским словом *brez* румынская форма *briu* свидетельствует о более старой эпохе). Следовательно, мы не можем принять концепцию Н. Йокля, О. Денсуману, Х. Барича и, особенно, В. Полака о якобы сильном влиянии албанского на румынский (см. статью В. ПОЛАКА, *Quelques idées concernant les rapports lexicaux albano-roumains*, «*Omăgiu lui Iorgu Iordan*», București, 1958, стр. 693—699). А если таковые заимствования и существовали, то во всяком случае их надо отнести к периоду после VI в. Еще А. Филиппиде указал на то, что количество взаимных заимствований (из румынского в албанское и, наоборот, из албанского в румынское) крайне незначительно (см. *Originea rominilor*, vol. II. *Ce spun limbile română și albaneză*, Iași, 1928, стр. 753, 757 и след.). Для этого имеются показания исторической фонетики румынского языка (см. И. И. Руссу, *цит. соч.*, стр. 122—123). Фактически, как в албанском, так и в румынском это слова индоевропейского происхождения. А поскольку субстраты этих двух языков одинаковы, и слова общие. Действительно, общие элементы долатинского происхождения в румынском и албанском унаследованы из старого индоевропейского фонда карпато-балканской области. В какой-то степени мы могли бы, безусловно, допустить и возможность независимого развития некоторых общих черт, специфических для румынского с албанским. Однако, такое объяснение нельзя применить, напр., ко всем лексическим совпадениям, ибо, с одной стороны, они слишком многочисленны, а с другой, между этими двумя языками имеются поразительные сходства также в области фонетики, грамматики и фразеологии (См. и А. Филиппиде, *цит. соч.*, т. II, стр. 760). Кроме того, следует иметь в виду, что для части румыно-албанских соответствий (не только лексического характера) можно найти аналогии, по крайней мере как тенденции, в других романских языках, как на это указал еще в 1930 г. В. Мейер-Любке.

¹ См. А. Philippide, *цит. соч.*, т. II, стр. 56. С. POGHIRC, *Vocalele românești ă, alb. ë, bulg. ѣ și oscilația ale în grafia cuvintelor trace*, SCL, XI, 1960, вып. 3, стр. 657—660. Его же, *La valeur phonétique de l'oscillation graphique thrace a/e à la lumière des données des langues balkaniques modernes*, «*Studii clasice*», III, 1961, стр. 33—37. (С подобным объяснением соглашается и I. FISCHER: *Descrierea fonologică a limbilor dispărute. Aplicații la limbile Italiei antice*, I, SCL, XII, 1961, стр. 353. То же во французском варианте статьи: *La description phonologique des langues disparues. Applications aux langues de l'Italie ancienne*, «*Studii clasice*», IV, 1962, стр. 13). GR. BRÎNCUS, *Originea consoanei h din limba română*, SCL, XII, 1961, стр. 471—477. E. PETROVICI, *Influența slavă asupra sistemului fonemelor limbii române*, București, 1956, стр. 7—8. AL. ROSETTI, *Istoria limbii române*, vol. II. *Limbile balcanice*, изд. III, București, 1962, стр. 82. Его же; *Istoria limbii române*, vol. III. *Limbile slave meridionale* (sec. VI—XII), București, 1962, стр. 52.

падежа с дательным, ни образование будущего времени с помощью глагола «хотеть», ни утрата (или сужение функций) инфинитива в балканских языках нельзя связать с воздействием особенностей автохтонного элемента¹ просто потому, что мы почти ничего не знаем о морфологии и синтаксисе фракийского, дако-мизийского или иллирийского. Данные албанского языка недостаточны для того, чтобы судить, как выглядел грамматический строй дако-мизийского. В этом отношении положение балканских языков отличается от того, которое характерно, скажем, для осетинского, где имеется заметное влияние кавказского субстрата². Нечто подобное действительно и для русского языка, где можно говорить о наличии влияния со стороны финно-угорского субстрата, а также для польского, в котором чувствуется воздействие балтийского субстрата. Следовательно, когда у нас нет достаточных сведений об особенностях языков, выступающих в качестве субстрата, но доказано их родство с языками, существующими поныне, данные этих последних можно использовать как надежный материал для сравнения.

Безусловно, прежде чем прибегать к воздействию субстрата, необходимо основательно обследовать вопрос о возможностях внутреннего объяснения данного явления. С другой стороны, мы не имеем право ссылаться на воздействие субстрата лишь на том основании, что для тех или других языковых процессов не было найдено другого толкования.

Несомненно, разрешение вопроса о роли субстрата в образовании такого языка как румынский наталкивается на большие объективные трудности: ведь невозможно определить особенности языка автохтонного населения, от которого сохранилось лишь небольшое количество имен растений, топонимических и антропонимических названий. Кроме того, для румынского положение осложняется и из-за отсутствия письменных памятников, относящихся к периоду до XVI в. Есть, правда, другой путь, по которому правильно идут некоторые современные лингвисты: от всестороннего анализа современных балканских языков к их прошлому. Одновременно следует подчеркнуть исключительно важное значение недавнего открытия в Румынии около 30 дакийских надписей в разва-

¹ Хотя в известных случаях субстрат объясняет некоторые общие черты, присущие румынскому, албанскому, новогреческому, болгарскому, македонскому, а иногда и сербо-хорватскому, а также словенскому. Относительно дославянского лингвистического субстрата на Балканском полуострове в Норике, Паннии и Дакии см. IVAN ROPOVIĆ, *Geschichte der serbokroatischen Sprache*, Wiesbaden, 1960, стр. 48—103. Мы не согласны с мнением С. Б. Бернштейна (*Очерк сравнительной грамматики славянских языков*, Москва, 1961, стр. 14) о том, что древний субстрат румынского языка был кельтским.

² Это вейнахский, черкесский, кабардинский, сванский, грузинский, мегрельский, абхазский и абазинский. Кавказский субстрат объясняет многочисленные специфические особенности осетинского языка, отличающие его от остальных членов иранской группы: возникновение смычно-гортанных согласных (*k', p', t', c', ɟ'*), для которых нет соответствий в древнеиранском консонантизме, агглютинирующее склонение (в отличие от древнеиранского флективного), наличие многочисленных падежей, выражающих пространственные отношения, исчезновение винительного падежа и другие особенности, не говоря уже о влиянии на лексику и топонимию. О субстратных элементах осетинского языка см. книгу В. И. АБАЕВА, *Осетинский язык и фольклор*, I, Москва—Ленинград, 1949.

линах Сармизегетузы, составленных только из согласных, обозначенных буквами греческого письма, но еще нерасшифрованных. Помимо этого, при изучении субстратных элементов необходимо также использование данных археологии и этнографии. Следовательно, изучение сложной проблемы о субстратах относится не только к языкознанию, но и к истории. Однако, признав роль субстрата в истории языков, мы должны уточнить его различные проявления, не пренебрегая значением других факторов языкового развития.

II

Как правило, *фонетика*, *лексика* и *синтаксис* больше подвержены влиянию со стороны субстрата. В этой главе нами будут рассмотрены различные языковые явления, для происхождения которых в славянских языках можно допустить воздействие автохтонного (предславянского) элемента.

Как в других индоевропейских языках, следы субстрата имеются и в славянских языках. Они различны и восходят к различным эпохам. По мнению С. Б. Бернштейна¹, в большинстве случаев это относится к периоду балто-славянской языковой общности. Однако, автор цитирует только одно (синтаксическое) явление, порожденное воздействием субстрата, а именно использование родительного падежа при глаголах с отрицанием². Явно, что для праславянского, как и для истории отдельных славянских языков³, С. Б. Бернштейн и другие ученые допускают незначительное влияние со стороны субстрата⁴.

Вероятно, влияние субстрата на *фонетическую* (и *фонологическую*) систему связано прежде всего с тем, что некоторые особенности артикуляционной базы продолжают сохраняться у представителей побежденного языка и могут, таким образом, проявляться с течением времени (в большей или меньшей степени) в победившем языке. С другой стороны подобное воздействие объясняется тем, что специфические черты произношения легче всего воспринимаются даже людьми, невладеющими соответствующим языком⁵.

¹ Очерк сравнительной грамматики славянских языков, Москва, 1961, стр. 13.

² Эту конструкцию, а также творительный предикативный в славяно-балтийских языках Т. Пер-Славинский рассматривает как воздействие со стороны финского субстрата. См. его статью: *Новая попытка освещения проблемы происхождения славян*, «Вопросы языкознания», I, 1955, стр. 155; его же, *Балто-славянская языковая общность и проблема этногенеза славян*, «Вопросы славянского языкознания», вып. 3, 1958, стр. 13. Против взгляда о влиянии древнейшего финского субстрата на возникновение творительного предикативного в славянских языках выступил С. Б. БЕРНШТЕЙН, *Творительный падеж в славянских языках*, Москва, 1958, стр. 23. См. также Н. Х. ИВАНОВА, *Творительный предикативный падеж в польском языке*, «Краткие сообщения Института Славяноведения Академии Наук СССР», т. 15, 1955, стр. 72—78.

³ За исключением болгарского и македонского.

⁴ См. слова С. Б. Бернштейна (*указ. соч.*, стр. 14): «В истории праславянского языка, а также и большинства славянских языков субстрат существенной роли не играл».

⁵ См. также А. МЕЙЕ, *Сравнительный метод в историческом языкознании* (перевод с французского), Москва, 1954, стр. 68.

В фонетическом отношении в славянских языках (и диалектах) имеются некоторые явления, возникновение которых можно объяснить с помощью субстрата.

Так, напр., цоканье, характерное для большинства северновеликорусских, для некоторых южных (рязанских) говоров, а также для северобелорусских¹, объяснялось некоторыми языковедами как явление, возникшее под влиянием субстрата².

Более архаический тип цокания это мягкое цоканье: *ц'ай, ц'ашка, ц'исто, отец', ц'удо, доц'ка, ноц', помолц'и, куриц'а, конец'* и др. Оно распространено в основном в великорусских говорах северо-восточной Европейской части СССР³. Твердое цоканье (*цасто, цисто, цудо, туца, пец, плецо, ноц, доцка, цорт, молци, ницово; улица, улицу, кол'цо, целый, отец, курица*) является характерным для северо-западных говоров русского языка⁴.

Когда возникло цоканье, трудно сказать⁵. Во всяком случае это очень древнее диалектное явление, засвидетельствованное, как известно, еще в новгородских памятниках начиная с XI в.⁶

¹ Е. Ф. Карский отмечал наличие цоканья в северных и северо-восточных белорусских говорах (См. его труд *Белорусы*, т. I, Москва, 1955, стр. 363). Однако, он считал его явлением, заимствованным из севернорусских говоров.

² О сущности, разновидностях, территории распространения и происхождении цоканья см. Р. И. АВАНЕСОВ, *Очерки русской диалектологии*, ч. 1, Москва, 1949, стр. 123—124 и, особенно, стр. 131—135; П. С. КУЗНЕЦОВ, *Русская диалектология*, изд. III, Москва, 1960, стр. 75—78; В. Г. ОРЛОВА, *Типы употребления аффрикат как различительный признак русских народных говоров*, «Вопросы языкознания», № 1, 1957, стр. 3—17; ее же, *История аффрикат в русском языке в связи с образованием русских народных говоров*, Москва, 1959. Как показала М. Ф. СЕМЕНОВА (в статье *По поводу двух фонетических явлений русских и латышских говоров Латгале*, «*Rakstu krājums veltījums akadēmikim profesoram Dr. Jānim Endzelinam viņa 85 dzīves un 65 darba gadu atcerei*», Rīga, 1959, стр. 595—603), цоканье встречается и в верхнелатышских говорах Латгале. О различных вопросах, связанных с происхождением цоканья и других северновеликорусских диалектных черт см. статью Д. К. ЗЕЛЕНИНА, *О происхождении северновеликорусов Великого Новгорода*, «Доклады и Сообщения Института Языкознания Академии Наук СССР», т. VI, 1954, стр. 49—95.

³ Относительно цоканья (*ц'асто, ц'исто, ц'удо, плеч'о, ноц', пец', доц'ка, молц'и; улиц'а, куриц'а, ч'елый, отец', ч'ена, ч'ифра*) нужно сказать, что некоторые авторы считают его разновидностью мягкого цоканья. Как отмечает проф. Р. И. Аванесов (*ук. соч.*, стр. 131), твердое ч встречается редко и лишь в говорах, граничащих с белорусским языком.

⁴ Имеются и говоры, в которых аффрикаты произносятся полумягко (*ч, џ*), а также говоры, где произносят *ц'ч'*. Необходимо также отметить сосуществование двух систем в одних и тех же говорах: совпадение аффрикат и их различение. Это объясняется либо влиянием литературного языка, либо внутренними законами развития соответствующего говора (См. и *Методические указания к «Программе собирания сведений для составления Диалектологического атласа русского языка»*, Москва, 1957, стр. 10). Различные виды цоканья (их подробный анализ см. в указанных трудах В. Г. Орловой) А. А. Шахматов считал одинаково древними.

⁵ О происхождении этого явления см. ниже.

⁶ См. *Палеографический и лингвистический анализ новгородских берестяных грамот*, Москва, 1955, стр. 94—96 (статья Р. И. Аванесова); П. Я. ЧЕРНЫХ, *Историческая грамматика русского языка*, изд. II, Москва, 1954, стр. 315. Речь

Как известно, А. А. Шахматов считал, что цоканье возникло в доисторическую эпоху развития русского языка под влиянием польских говоров, где наблюдается замена шипящих свистящими ($sz > s$; $\dot{z} > z$; $cz, \dot{c} > c$)¹ или же под воздействием (западно-)финского субстрата. О финской подоснове применительно к этому процессу в русском языке говорили В. И. Чернышев и Р. И. Аванесов². Такого же взгляда на происхождение цоканья придерживается в основном и В. В. Иванов³, который, однако, подчеркивает (вслед за Р. И. Аванесовым), что в данном случае дополнительно следует считаться и с тем, что «в системе самого русского языка были основы для его развития»⁴. Еще в большей степени эту концепцию разделяет Р. И. Аванесов. Он допускает, что цоканье (в его первоначальном, мягком, варианте) возникло в доисторическую эпоху у словен и кривичей под влиянием финского субстрата, но что для смешения аффрикат известные предпосылки имелись в самой системе консонантизма русского языка.

Наоборот, С. Б. Бернштейн⁵ и Б. А. Серебренников⁶ считают, что возникновение цоканья нельзя объяснить посредством финно-угорского субстрата. Так, Б. А. Серебренников показывает, что, за исключением горномарийского и мордовского, большинство финно-угорских языков не обладают фонемой $\dot{c}$ ⁷. Кроме того, анализ предславянской топонимии на севере свидетельствует о том, что там имеется $\dot{c}$, а это противоречит цоканью (см. такие названия как *Чухлома*, *Челмохта*, *Кирчема*, *Печенга*, *Вичуга*, *Нюхча*)⁸. Против объяснения с помощью

идет о древнерусских диалектах (новгородских, псковских и смоленских), отражающих между прочим и смешение $\dot{c}$ и $\dot{c}$; М. А. СОКОЛОВА, *Очерки по исторической грамматике русского языка*, Издательство Ленинградского Университета, 1962, стр. 77—78. Признав, что трудно определить причины, породившие это совпадение аффрикат, автор книги не соглашается с мнением А. А. Шахматова о влиянии в данном случае польской среды (см. стр. 78).

¹ Речь идет о *мазурении*; об этом см. ниже. По мнению А. А. Шахматова, цоканье возникло в VII—VIII вв. Этот процесс происходил следующим образом: «Ляхи были поглощены русскою волною, но, смешавшись с севернорусами, они передали им некоторые звуковые особенности, вызвав между прочим и смешение $\dot{c}$ с $\dot{c}$ » (*К вопросу о польском влиянии на древнерусские говоры*, «Русский Филологический Вестник», 1913, т. 69, № 1, стр. 10. См. также *Очерк древнейшего периода истории русского языка*, Петроград, 1915, стр. 318).

² *Очерки диалектологии рязанской мещеры. Описание одного говора по течению р. Пры*, «Материалы и исследования по русской диалектологии», т. I, Москва—Ленинград, 1949, стр. 226—230.

³ *Краткий очерк исторической фонетики русского языка*, изд. II, Москва, 1961, стр. 57; его же, *Русские народные говоры*, Москва, 1956, стр. 28—29.

⁴ *Краткий очерк...*, стр. 57. См. на этой же странице попытку автора фонологически объяснить процесс, способствовавший внешнему влиянию.

⁵ *Сборник ответов на вопросы по языкознанию (к IV международному съезду славистов)*, Москва, 1958, стр. 217 (в дальнейшем *Ответы...*).

⁶ *О взаимодействии языков (Проблема субстрата)*, «Вопросы языкознания», № 1, 1955, стр. 8.

⁷ В марийском и мордовском $\dot{c}$ развился из более старого $\dot{c}$. См. *цит. ст.* Б. А. Серебренникова, стр. 8.

⁸ Там же, стр. 8.

субстрата особенно подробно выступает В. Г. Орлова в монографии, посвященной истории аффрикат в русском языке¹.

В. Г. Орлова считает², что между восточными славянами и финнами тесные связи устанавливаются только с XI в., с чем трудно согласиться³. В данном случае она принимает ту гипотезу, согласно которой в финских языках нет древних заимствований из русского (а только из литовского и латышского). Поздними считает В. Г. Орлова и заимствования из финского в древнерусском. По ее мнению, это происходит только с XII в.⁴ Нужно, однако, сказать, что в настоящее время многие считают, что все же контакты эти древнее⁵.

В вопросе о происхождении цоканья В. Г. Орлова более правдоподобной находит гипотезу о внутреннем, спонтанном, характере этого явления. Как-будто это изменение, не зависящее от фонетического положения. Однако, указание на то, что цоканье связано с изменением качества аффрикат, по нашему мнению, имеет меньшую доказательную силу, чем попытка объяснить генезис данного процесса посредством финно-угорского субстрата. Ибо в последнем случае мы стараемся все же найти *причину* соответствующего явления, чего нельзя утверждать по отношению к его внутреннему толкованию. Во-первых, считаясь с физиологией звуков речи, нам будет трудно доказать условия перехода ч' в ц'. Во-вторых, ссылаясь на то, что в фонетической системе славянских языков ч и ц не были достаточно противопоставлены друг другу⁶, что являлись, таким образом, слабым звеном, Р. И. Аванесов считает, что их совпадение стало возможным только в результате смещения с языком (диалектом), в котором имелаась одна единственная аффриката. Следовательно, даже если допустить, что цоканье вызвано действием внутренних законов русского языка, все же без учета финно-угорского субстрата подобные попытки интерпретации нельзя признать удачными.

Указывая на то, что имеются и такие звуковые изменения, причины возникновения которых даже в общей форме не могут быть раскрыты, в заключении главы, посвященной происхождению этого явления, В. Г. Орлова отмечает, что «цоканье выступает перед нами как результат замены ч' на ц' при наличии высокой степени палатализации обоих этих звуков в любом положении в слове, независимо от занимаемого фонетического положения или принадлежности к определенным морфе-

¹ *История аффрикат в русском языке в связи с образованием русских народных говоров*, Москва, 1959, стр. 118—140. Ее же, *О возникновении иноязычных элементов в структуре языка*, «Доклады и Сообщения Института языкознания Академии наук СССР», IX, 1956, стр. 83—84.

² *История аффрикат...*, стр. 134 и след.

³ См. также рецензию В. И. Лыткина на монографию В. Г. Орловой, ИАН, ОЛЯ, XX (1961), вып. 1, стр. 79—86.

⁴ См. *Историю аффрикат...*, стр. 137.

⁵ Об этом см. ниже.

⁶ Тем не менее В. Г. Орлова показывает (*История аффрикат...*, стр. 139), что спонтанные звуковые изменения не зависят от фонологического противопоставления (более слабого или более сильного).

мам»¹. «Однако замена эта имела место не во всех говорах русского языка...»².

По нашему мнению, для происхождения цоканья гораздо легче (и правдоподобнее) допустить воздействие со стороны (угро-)финского субстрата. В пользу этого предположения говорят различные факты, на которых мы считаем нужным остановиться здесь.

В первую очередь, нуждается в уточнении вопрос о древнейших восточнославяно-финских взаимоотношениях. Ибо решение проблемы происхождения цоканья будет зависеть и от того, к какому периоду отнести древнейшие контакты восточных славян с прибалтийско-финскими племенами. Исторические, археологические, этнографические и число лингвистические данные свидетельствуют о том, что эти контакты установились не в X—XI вв., как считает В. Г. Орлова, а гораздо раньше (примерно с VII вв.)³. С другой стороны, такие крупные ученые как Э. Н. Сетяля, А. А. Шахматов, Я. Калима, А. И. Соболевский, Я. Розвадовский, Т. Лер-Сплавинский, В. И. Лыткин и др. допускали что, в прибалтийско-финских языках имеются праславянские заимствования, а в славянских языках — лексические прафинские заимствования⁴.

Кроме того, имеются исторические свидетельства об ассимиляции финского элемента на территории древней Руси. Так, на территории Ростово-Суздальской земли восточными славянами были ассимили-

¹ *История аффрикат...*, стр. 140.

² *Там же*, стр. 140.

³ См. подробный анализ всех этих данных в рецензии В. И. Лыткина на книгу В. Г. Орловой, ИАН, ОЛЯ, XX (1961), вып. 1, стр. 79—86. О наличии контакта между западными финно-уграми и славянами (первоначально кривичами и словенями, а позже и с вятичами) в VI—VII вв., недавно говорил Ф. П. ФИЛИН в статье *Об образовании языка восточных славян*, ИАН, ОЛЯ, XXI (1962), вып. 3, стр. 213.

⁴ В *Материалах дискуссии IV Международного съезда славистов*, т. II, Москва, 1962 (в дальнейшем *Материалы...*), стр. 448, В. И. Лыткин пишет, что «вероятно древнейшие заимствования из русского языка в прибалтийско-финские попали в V—VII вв., тогда, когда славяне проникли в бассейн оз. Ильмень. Это подтверждают и данные археологии (см. работы эстонского археолога Моора). В этот же период и на этой же территории, видимо, происходит и выработка цоканья в русских диалектах Новгородской земли, происходившая не без влияния местных прибалтийско-финских диалектов, в первую очередь, диалекта летописной чуди, который был распространен к югу и юго-востоку от южно-эстонцев». По вопросу о древнейших славянских лексических заимствованиях в финских языках см. статью В. КИПАРСКОГО, *О хронологии славяно-финских лексических отношений*, «Scando-Slavica», IV, 1958, стр. 127—136. См. резюме статьи в *Материалах...*, стр. 427—429. См. также Л. ХАКУЛИНЕН, *Развитие и структура финского языка*, т. II, *Лексикология и синтаксис* (перевод с финского), Москва, 1955, стр. 49—50. О взаимных заимствованиях (из прибалтийско-финских языков в древнерусском и обратно из древнерусского в прибалтийско-финском) см. Л. П. ЯКУБОВСКИЙ, *История древнерусского языка*, Москва, 1953, стр. 343—346; П. Я. ЧЕРНЫХ, *Очерк русской исторической лексикологии. Древнерусский период*, Издательство Московского Университета, 1956, стр. 155—156 (См. стр. 155: «Финны с древнейшего времени начали усиленно перенимать отдельные слова у русских славян и усваивать их язык»). О финских заимствованиях в древнерусском языке см. также недавнюю статью Д. Н. ШМЕЛЕВА, *Заимствования из прибалтийско-финских языков в старорусских памятниках письменности*, «Вопросы славянского языкознания», вып. 5, Москва, 1961, стр. 191—199. О контакте праславян и прафиннов см. также В. И. Эрнсте, *Материалы...*, стр. 449.

рованы три финских племени: *меря*, *мещера* и *мурома*¹. В псковских говорах вероятно цоканье возникло в результате смешения части восточных славян с балтийскими финнами. В юго-восточных говорах оно вызвано рязанской, мещерской (но тоже финской) подосновой. Во всех этих случаях цоканье определялось смешением с финским субстратом, но протекало согласно внутренним законам русского языка.

Возникнув первоначально (в доисторический период) на более ограниченной территории (на северо-западе в говорах Новгородской и Смоленской земли), цоканье в дальнейшем распространилось на востоке и северо-востоке.

Цоканье возникло в городах, где население было двуязычным. Двуязычие составило определенную стадию в переходе финнов к славянской речи. В период древнейших контактов со славянами финны обладали одной единственной аффрикатой: *č' (c')*. Следовательно, были благоприятные условия для возникновения цоканья. Восточные славяне поддерживали постоянные и интенсивные связи с финским населением, с которым постепенно смешались. В ту эпоху в фонологической системе прибалтийско-финских племен имелась, как мы уже говорили, только одна аффриката². В результате этого смешения в Новгородской и Псковской землях победила финская манера произношения аффрикат³. О вероятности такого влияния свидетельствует и анализ фонологических систем подавляющего большинства финно-угорских языков. Так, в финском литературном языке нет аффрикат. Большинство карельских говоров не различает *č* и *c*, что напоминает северновеликорусское цоканье⁴. Как показал Д. В. Бубрих⁵, «в некоторых диалектах

¹ О *вси*, *чуди*, *еми* и *кореле* см. Д. В. БУБРИХ, *Происхождение карельского народа*, Петрозаводск, 1957. Автор рассматривает их историю в связи с историей русского народа. О венсах, их языке и истории см. статью Н. И. Богданова в сборнике *Прибалтийско-финское языкознание*, Петрозаводск, 1958, стр. 63—75 (Здесь же напечатаны еще две работы, посвященные венскому языку: см. стр. 76—82 и 83—94). О связях восточных славян с финнами до IX в. см. также Н. П. ТРЕТЬЯКОВ, *Восточнославянские племена*, изд. II, Москва, 1953; его же, *Итоги археологического изучения восточнославянских племен*, Москва, 1958 (перепечатано в *Исследованиях по славянскому языкознанию*, Москва, 1961, стр. 306—334); см. и резюме этой работы в *Материалах...*, стр. 426—427. Как показал уже Л. НИДЕРЛЕ, *Славянские древности* (перевод с чешского), Москва, 1956, стр. 134, бывшие Ярославская, Костромская, Московская, Владимирская, Рязанская, Тамбовская и Воронежская губернии первоначально были заселены финскими племенами.

² Для прафинского Л. Хакулинен восстанавливает **tʃ* и **tʃʰ*. См. его работу *Развитие и структура финского языка*, ч. 1. *Фонетика и морфология* (перевод с финского), Москва, 1953, стр. 46—47.

³ См. также В. И. Лыткин, *Материалы...*, стр. 448.

⁴ Смешение *ч* и *ц* в северо-западных говорах русского языка приписывается влиянию прибалтийско-финских языков и Ф. Ойнасом (см. FELIX J. OINAS, *Russian and eastern balto-finic linguistic contacts*, 's-Gravenhage, 1958, стр. 5). Имея в виду широкое распространение цоканья, вслед за А. М. СЕЛИЩЕВЫМ (*Соканье и шоканье в славянских языках*, «Slavia» X, 1931, вып. 4, стр. 738), автор допускает что совпадение *ч* и *с* это довольно раннее явление. Однако, Ф. И. Ойнас не говорит в данном случае о субстрате. (Напомню, что в цитированной статье А. И. Селищев объяснял *соканье* и *шоканье* в славянских языках с помощью чуждого влияния).

⁵ *Сопоставительная грамматика русского, финского и карельского языков*, «Прибалтийско-финское языкознание», Петрозаводск, 1958, стр. 23 (Вообще, в карельских говорах нет *ц*).

Средней Карелии ϵ' обладает минимумом шипящести, приближаясь к ψ' . В луговом наречии марийского языка имеются говоры, знающие только ϵ , и говоры, знающие только ϵ^1 . В мансийском ψ и ψ' нет²; эти звуки проникли туда вместе с лексическими заимствованиями из русского языка в советскую эпоху. В коми ψ и ψ' (а также ϕ) заимствованы, как и в карельских говорах, из русского³. В древнепермском языке имеется аффриката ψ (и ψ'), но ψ (и ψ') отсутствует⁴.

Наконец, помимо цоканья, в русских говорах имеются и другие фонетические особенности, возникновение которых можно поставить в связь с воздействием финно-угорского субстрата. Это переход $л$ в $\ddot{y}$ (или o), $л > l$, отверждение мягких согласных, оттяжка ударения на первый слог слова, произношение согласных с меньшей напряженностью речевого аппарата, произношение ϵ' , $з'$ как звуки, средние между ϵ' , $з'$ и $ш'$, $ж'$ (ϵ'' , $з''$), так называемое сладкоязычие и др. В этом отношении история русского языка напоминает нам историю осетинского, диалекты которого отличаются друг от друга теми элементами, которые возникли под влиянием кавказского субстрата, но сходятся в унаследованном общеиранском фонде⁵.

Следовательно, в подтверждение гипотезы о влиянии финского субстрата на возникновение цоканья можно привести самые разнообразные доводы, в отличие от концепции о внутреннем, спонтанном его развитии. Во всяком случае это последнее объяснение не имеет каких-либо шансов на достоверность.

Смещение шипящих и свистящих согласных в русских говорах нельзя объяснить их сближением с артикуляционной точки зрения. Столь же неправильной была бы и тенденция истолковать совпадение аффрикат ссылкой на их общее происхождение (как известно, исторически ψ' и ψ являются комбинаторными вариантами фонемы κ'). В древнерусском языке шипящие и свистящие составляли систему корреляции по парности. Следовательно, трудно допустить, чтобы устранение пары ψ' — ψ происходило без какого бы то ни было влияния извне. Тот факт, что первоначально ψ' и ψ не противопоставлялись друг другу фонологически не может служить причиной их позднейшего совпадения в одном звуке. Для нас более вероятным в данном случае остается объяснение с помощью финно-угорского субстрата⁶. И этот

¹ В горном наречии имеются обе аффрикаты (ϵ и ϵ) твердые.

² Они встречаются лишь в отдельных мансийских словах как результат слияния t и ϵ , $t\epsilon$ и $\epsilon\epsilon$: *пуцка* (< *путска* «подушка», *тучанг* (< *тутсанг*) «мешочек со швейными принадлежностями». См. А. Н. БАЛАНДИН и М. П. ВАХРУШЕВА, *Мансийский язык* (Учебное пособие для педагогических училищ), Ленинград, 1957, стр. 25.

³ См. Д. В. БУБРИХ, *Грамматика литературного коми языка*, Ленинград, 1949, стр. 8; А. А. БЕЛЯКОВ, *Языковые явления, определяющие границы диалектов и говоров карельского языка в Карельской АССР*, «Прибалтийско-финское языкознание», Петрозаводск, 1958, стр. 60.

⁴ См. В. И. ЛЫТКИН, *Древнепермский язык*, Москва, 1952, стр. 95 (перечисление и таблица системы согласных фонем древнепермского).

⁵ Об осетинском см. В. И. АБАЕВ, *указ. соч.*, стр. 122.

⁶ Вслед за П. Я. ЧЕРНЫХ (*Историческая грамматика русского языка*, изд. II, Москва, 1954, стр. 143), М. Ф. Семенова считает (*указ. ст.*, стр. 603), что

факт неизоллированный. Ибо, как подчеркивалось выше, в русских говорах имеются и другие фонетические особенности, допускающие влияние со стороны финно-угорского субстрата. А помимо чисто лингвистических данных, в пользу подобного явления говорят также исторические, археологические и этнографические данные¹.

Столь же спорным, как и цоканье, является и вопрос о происхождении польского мазурения (переход *ž, č, š, dž*, в *z, c, s, dz*: *zaba* «*žaba*», *zona* «*žona*», *cekać* «*czekać*», *sary* «*szary*», *jezdze* «*jeździe*» и т. д.). Как известно, это широко распространенное диалектное явление: встречается оно в Мазовье, Малопольше и части Силезии².

Для объяснения мазурения раньше ссылались на финно-угорский субстрат, а после на балтийский (пруссский или прусско-литовский)³. Правда, имелись (и имеются и в настоящее время) приверженцы фонологического объяснения данного явления⁴.

цоканье и сходные явления возникли в речи разных племен, но территориально смежных (это прибалтийские славяне, поляки, белорусы, латгальская, севернорусская, среднерусская, частично также южнорусская и финская земли). По ее мнению, цоканье, дзеканье, цеканье, смещение свистящих *s, z*, с шипящими *ш, ж* свидетельствует об очень древних языковых взаимоотношениях на этой территории. «Эти взаимоотношения указывают — по словам М. Ф. Семеновой — на тесную связь населения центральной и северо-восточной территории Европы: западных и восточных славян, балтов и финнов, а не только прибалтийских славян (лужицкая культура) с прибалтийскими финнами» (цит. см., стр. 603).

¹ О влиянии западнофинского субстрата (в языковом и этно-культурном плане) на латышский и русский и о необходимости изучения этого воздействия говорил недавно литовский лингвист А. САБАЛЯУСКАС. См. «Вопросы языкознания», № 6, 1962, стр. 147, где автор пишет: «Финский субстрат едва может быть оспариваем не только в Курземе, но и в других частях территории Латвии, а также и в прилегающих русских районах».

² О происхождении, развитии и распространении мазурения см. S. DOBRZYCKI, *O tzw. mazurowaniu w języku polskim*, «Rozprawy wyd. Filolog. PAU», XXXII, 1908; А. М. СЕЛИЩЕВ, *Цоканье и шоканье в славянских языках*, «Slavia», X, 1931, 4, стр. 718—748; его же, *Славянское языкознание*, т. I. *Западнославянские языки*, Москва, 1941, стр. 329—331; T. MILEWSKI, *Stosunki językowe polsko-pruskie*, «Slavia Occidentalis», XVIII, 1947; S. ROSPOND, *Palatalizacja, dyspalatalizacja a tzw. mazurowanie*, «Biuletyn Polskiego Towarzystwa Językoznawczego», XIII, 1947, стр. 21—50; W. TASZYCKI, *Nowy argument za późnością mazurowania*, там же, стр. 51—56; его же, *Dawność tzw. mazurowania w języku polskim*, Warszawa, 1948; его же, *Kilka uwag o chronologii mazurowania*, «Poradnik Językowy», 1953, 5, стр. 19—22; ST. URBAŃCZYK, *Gwary polskie na substracie staropruskim*, «Księga pamiątkowa 75-lecia Towarzystwa Naukowego w Toruniu», Toruń, 1952; T. BRAJERSKI, *Jak mogło powstać polskie mazurowanie*, «Biuletyn Polskiego Towarzystwa Językoznawczego», XIII, стр. 1—7; J. KURYŁOWICZ, *Uwagi o mazurowaniu*, там же, стр. 9—19; H. KONECZNA, *Co to jest mazurowanie*, «Poradnik językowy», 9, 1953, стр. 1—17; ее же, *W sprawie mazurowania*, там же, 3, 1954, стр. 24—29; K. NITSCH, *O wzajemnym stosunku gwar ludowych i języka literackiego*, «Wybór pism polonistycznych», т. I, Wrocław, 1954, стр. 193—195; ZD. STIEBER, *Rozwój fonologiczny języka polskiego*, wyd. II, Warszawa, 1958, стр. 64 и след.

³ А. М. Селищев считал, что мазурение возникло под влиянием прусско-литовских говоров, а в последнее оно проникло из речи западных финнов (Речь идет о переходе прусско-литовских племен к польскому языку).

⁴ Последнюю попытку см. у ИВ. ЛЕКОВА, *Насоки в развоја на фонолошките системи на славянските езици*, София, 1960, стр. 73. Раньше так объяснял этот процесс W. WĘGLARZ. См. его работу *Problema tzw. mazurowania w świetle fonologii*, «Slavia», XV, 1938, 4, стр. 517—524.

По мнению некоторых языковедов (А. А. Шахматова, А. М. Селищева, Д. К. Зеленина) существует определенная связь между цоканьем и мазурением¹.

Выше мы уже говорили о том, что мазурение можно объяснить влиянием прусско-литовских говоров, хотя не все специалисты согласны с подобной интерпретацией.

Несмотря на попытки фонологического толкования этой диалектной польской особенности, все же более правдоподобной представляется гипотеза о возникновении мазурения под воздействием балтийского субстрата. В качестве доказательства можно привести следующий факт. Речь идет об определении места того языка, который представлял переходную ступень от балтийского к славянским. Раньше считали, что этим языком был древнепрусский. Недавно проф. Ян Отрембский показал, что такую роль выполнял ятвяжский². По мнению польского лингвиста, ятвяжский стоит ближе к прусскому, чем к литовскому и латышскому³. В области консонантизма литовские диалекты, развившиеся на прежней территории ятвягов вместо общепольских *š, ž* имеют *s, z* (как в древнепрусском). Отсюда смешение этих звуков. Я. Отрембский предполагает, что «ятвяги всюду произносили *s, z* и *c, dz* (< *tj, dj*), а впоследствии, когда они стали литовцами, не усвоили полностью *š, ž* и *č, dž*. Об этом свидетельствуют и данные топонимики⁴. Указывая на большую близость языка ятвягов к литовскому, Я. Отрембский останавливается и на сходствах, наблюдаемых между ятвяжским и польским. Так, напр., в ятвяжском, польском и литовских диалектах дзюков имеются *s, z* < *š, ž* < и-е. *k', g'* и *c, dz* (< *č, dž*) < **tj, *dj*.

Известно, что в XII—XIV вв. древнепрусский находился под сильным влиянием польского языка и польской культуры. Но можно говорить и о влиянии ятвягов на польский. Так следует объяснить, согласно Я. Отрембскому, и польское мазурение, с чем нельзя не согласиться⁵. И этот факт не изолирован в польском: там и сохранение

¹ См., однако, В. Г. Орлова, *История аффрикат...*, стр. 120.

² См. Я. OTREBSKI, *Gramatyka języka litewskiego*, t. I. *Wiadomości wstępne. Nauka o formach*, Warszawa, 1958, стр. 42—43; его же, *Zagadnienie Galindów*, отд. отт. из «*Studia historica w 35-lecie pracy naukowej Henryka Łowmiańskiego*», стр. 37—41. К. BŪGA, *Kalby mokslo bei mūsų senovė*, «*Rinktiniai raštai*», I. Vilnius, 1958, стр. 408—410.

³ *Язык ятвягов*, «Вопросы славянского языкознания», вып. 5, Москва, 1961, стр. 3.

⁴ См. примеры у Я. Отрембского, *Язык ятвягов*, стр. 3—6.

⁵ По этому поводу проф. Я. Отрембский пишет (указ. соч., стр. 7): «Мы не в состоянии сейчас сказать, как отразилось это сожителство на языке ятвягов но обратное влияние языка ятвягов на язык польский было поистине велико. Именно в результате этого влияния произошло расчленение польской языковой территории на две части: восточную и западную. Территорией ятвяжского влияния стала находящаяся по соседству восточная Польша, в состав которой входили область Мазовье (Mazowsze) и Малая Польша (Małopolska). Именно в этой части Польши возобладало фонетическое явление, столь характерное для языка ятвягов, т.е. произношение согласных *s, z, c* (и *zdz*) вместо *š, ž, č* (и *ždž* из *zdj*). Следовательно, автор не сомневается в том, что польское мазурение возникло под влиянием ятвяжского языка.

носовых гласных (претерпевших, однако, известные изменения) можно объяснить воздействием балтийского субстрата. В пользу гипотезы о субстратном происхождении мазурения говорит и наличие в Мазовше балтийской топонимики и ономастики.

По мнению А. М. Селищева¹, польское мазурение должно быть поставлено в связь со сходными явлениями в сербохорватском, полабском², нижнелужицком и русском³. Везде шипящие были вытеснены свистящими под влиянием таких языков, в фонетической системе которых не было аффрикат *č*, *ž* или *š*.

Даже если принять точку зрения, отстаиваемую П. Я. Черных и в особенности М. Ф. Семеновой⁴, согласно которым цоканье, мазурение и подобные явления возникли в разных, но территориально смежных языках, то нужно все же допустить, что источник был один. Ведь и в случае языковых союзов надо считаться с тем, что новообразования возникают все же на известной (одной) ограниченной территории, откуда в дальнейшем и распространяются (если только находят благоприятную почву).

Рассматривая вопрос о роли субстрата в фонетической системе славянских языков, необходимо сказать несколько слов о теории В. Брендаля о наличии в чешском следов кельтского воздействия⁵.

Прежде всего, следует подчеркнуть несостоятельность концепции датского лингвиста, согласно которой кельтский субстрат оказал влияние на большинство языков Европы: не только на романские и германские языки, но и на албанский, греческий и т. д. По его мнению, в чешском также имеются некоторые специфические особенности, не встречающиеся в других славянских языках, черты, возникшие под воздействием кельтского элемента. Это дифтонгизация закрытых гласных *ī* > *ou* > *au*; *i* > **ej* > *aj*, которая не могла произойти под влиянием немецкого языка. Для нее В. Брендаль находит соответствия в голландском и английском, где также возникло под кельтским воздействием. Однако, объяснение этого явления нельзя искать в субстрате. Вообще для чешского характерна дифтонгизация всех долгих (не только закрытых) гласных. Это явление не стоит особо, т. к. у некоторых гласных оно наблюдается и в других славянских языках (польском, сербском, русском и украинском)⁶.

¹ Славянское языкознание, стр. 331.

² В полабском согласные *č*, *š*, *ž* были заменены *c*, *s*, *z* под влиянием нижнесаксонского диалекта немецкого языка. Об этом см. А. М. Селищев, *ук. соч.*, стр. 431. О мазурении в полабском см. Т. LEHR-SPLAWIŃSKI, О «mazurzeniu» w języku połabskim, «Slavia Occidentalis», IX, 1930, стр. 354—355.

³ Употребление свистящих вместо шипящих в русских говорах Сибири может быть якутской чертой. См. и Д. К. Зеленин, *ук. соч.*, стр. 58.

⁴ См. выше вопрос о происхождении цоканья.

⁵ V. BRONDAL, *Substrat et emprunt en roman et en germanique. Étude sur l'histoire des sons et des mots*, Copenhague — București, 1948, стр. 129.

⁶ См. и А. Г. ШИРОКОВА, *Чешский язык*, Москва, 1961, стр. 80. Относительно перехода *a* > *ě* > *e* в чешском, проф. Ив. Леков говорит (*ук. соч.*, стр. 64), что ошибочно было искать его причины в чуждом влиянии; но и объяснение с помощью внутренних законов развития языка тоже неудовлетворительно. В данном случае автор говорит о сингармонизме и допускает связь этого явления с ана-

Другой сложный вопрос, окончательно невыясненный, в области фонетики славянских языков это вопрос о причинах возникновения *аканья*¹. По сравнению с *оканьем*, *аканье* считается более поздним явлением². Оно будто бы не возникло ранее начала XII в. Об этом свидетельствуют, по мнению некоторых авторов, и данные современных русских говоров³. Следовательно, хотя А. А. Шахматов и придерживался взгляда о возникновении *аканья* в доисторическую эпоху (в эпоху существования «восточно-русского наречия»)⁴, все же у нас нет оснований приписать появление данного фонетического процесса воздействию местного субстрата. В связи с тем, что ослабление безударных гласных характерно не только для русского, белорусского и словенского, но и для болгарских говоров, а также для некоторых восточно-европейских языков (напр., для мордовского), по-видимому следует считаться с точкой зрения П. Я. Черных, что «в данном случае мы имеем дело со сходными переживаниями в различных родственных и неродственных по происхождению, но территориально смежных этнических группах»⁵.

В отличие от фонетики, прямое воздействие субстрата на морфологическую структуру языка встречается исключительно редко. Зато в синтаксисе (как и в идиоматике) такое влияние оказывается более ощутимым.

Так, постпозитивная частица *-то*, *-та* и т. д., характерная для некоторых русских говоров и отличающаяся от артикля, напоминает

логичным процессом, известным финно-угорским и тюркским языкам. Другую интерпретацию см. у М. КОМАРЕК, *Historická mluvnice česká*, I. *Hláskoslová*, Praha, 1958, стр. 52. Переход *a > e* (при известных условиях) имеется в русских говорах (см. В. Г. ОРЛОВА, *Разработка исторической фонетики русского языка по данным диалектов*, «Славянская филология», т. I, Москва, 1958, стр. 179—180), а также в литовском языке (см. J. Otrebski, *Gramatyka języka litewskiego*, I, стр. 215—219).

¹ См. и утверждение В. В. ИВАНОВА, *Краткий очерк исторической фонетики русского языка*, изд. II, Москва, 1961, стр. 107.

² См. П. С. КУЗНЕЦОВ, *Русская диалектология*, изд. III, Москва, 1960, стр. 55.

³ См. и В. В. Иванов, *ук. соч.*, стр. 100 и след.

⁴ См. *Введение в курс истории русского языка*, ч. 1, Петроград, 1915, стр. 407. Об *аканье* в словенском языке см. А. А. ШАХМАТОВ, *Русское и словенское аканье*, «Русский Филологический Вестник», т. 48, 1902, стр. 1—91. В словенском *аканье* является последствием экспираторного ударения. И в болгарском оно зависит от ударения. См. Л. МИЛЕТИЧ, *Das Ostbulgarische*, Wien, 1903, стр. 216: *o* (перед ударением) > *a* (полуредуцированный звук) > *a*. См. и другие его работы: *Die Rhodopemundarten der bulgarischen Sprachen*, Wien, 1912, стр. 115—119; «*Аканье* и пьногласие» в центральных родопских говорах, «Македонски преглед», XI, 1936, кн. 1 и 2, стр. 26—30. Вероятно, *аканье* охватывает более обширную территорию болгарских говоров. См. Л. Милетич, «*Аканье*»..., стр. 27—30. Ц. МЛАДЕНОВ, *Акане има и в западните български говори*, «Език и литература», XVI, 1961, кн. 2, стр. 62. В болгарских говорах переходит в *a* только то *o*, которое находится в предударном слоге: *гадина*, *радина*, *мама*, *вада*, *галам*, *тава*, *пабалеа*, *атишела*, *да ми данесеш* и т. д.

⁵ *Ук. соч.*, стр. 136. Как показал С. Б. Бернштейн (*Ответы...*, стр. 218), *аканье*, свойственное болгарским говорам, не может быть объяснено с помощью субстрата. Это явление связано с переносом ударения. В македонских говорах, где подобных изменений нет, нет и *аканья* (*там же*).

поссесивный суффикс третьего лица языков мари и коми, где выполняет фактически не притяжательную, но деиктическую функцию¹ и, следовательно, можно отнести за счет финно-угорского влияния².

Структурно и, частично, и семантически конструкции типа русск. *сизу бывало, гляжу бывало* Б. А. Серебренников сравнивает со сходными аналитическими конструкциями прошедшего времени, характерными для коми-зырянского, удмуртского, марийского, мордовского, татарского и чувашского языков³. Трудно, конечно, сказать, как шло это влияние, но факт сам по себе заслуживает внимания исследователей. То же самое следует сказать и о конструкциях типа *он приишотцы*, встречающихся в северо-западных говорах русского языка и имеющих аналогию в эстонском *ta ond tulnud* и латышском (*viņš ir atnācis*) или же *надо поставить лестница, надо косить трава* (по сравнению с эстонск. *vaja asetada redel, vaja osta raamat*)⁴. Что же касается конструкции типа *это у Вани калоши*, развившейся, как показал П. С. Кузнецов⁵, в некоторых русских говорах, находящихся в окружении коми-пермяцкого языка, можно сказать, что, с одной стороны, это свидетельствует о влиянии адстрата, но в то же время указывает и на воздействие субстратного элемента.

Исчезновение среднего рода, наблюдающееся в южновеликорусских (но отчасти и переходных) говорах нельзя объяснить с помощью субстрата. В связи с тем, что разрушение категории среднего рода обнаруживается по преимуществу в акающих говорах, то причину этого процесса следует искать в редукции безударных гласных в окончаниях⁶. Однако, замена среднего рода мужским в русских говорах Южного Приуралья могла происходить и в результате контакта с башкирским языком⁷.

Переходя сейчас к вопросу о роли субстрата в истории южнославянских языков, необходимо предварительно подчеркнуть, что при освещении этой проблемы следует считаться — помимо другого — с данными балканистики, о которых мы уже упомянули в первой части нашей работы.

Как известно, основные особенности балканских языков были подвергнуты обстоятельному исследованию в книге выдающегося датского лингвиста Кр. Сандфельда, вышедшей в свет более 30 лет тому назад⁸. С тех пор наши знания в этой области значительно обогатились, бла-

¹ См. Б. А. СЕРЕБРЕННИКОВ, «Вопросы языкознания», № 1, 1955, стр. 23.

² См. и мнение Р. Г. ПИОТРОВСКОГО (Формирование артикля в романских языках, (выбор формы), Москва — Ленинград, 1960, стр. 106): «Скорее всего северорусское *-то* следует сравнивать с выделительно-анафорическими частицами *-ис*, *-со*, *-то* в коми языке, под влиянием которого и возникло соответствующее употребление северорусского *-то*».

³ Уж. ст., стр. 23.

⁴ См. В. Й. Эрните, *Ответы...*, стр. 216. М. А. Соколова (уж. соч., стр. 260—262) более приемлемым считает объяснение, предложенное А. А. Потембей. Это мнение разделяет и П. С. КУЗНЕЦОВ, *Русская диалектология*, изд. III, стр. 124.

⁵ *Ответы...*, стр. 220.

⁶ См. и П. С. КУЗНЕЦОВ, *Русская диалектология*, изд. III, стр. 99.

⁷ См. и мнение П. С. Кузнецова, *уж. соч.*, стр. 100.

⁸ KR. SANDFELD, *Linguistique balkanique. Problèmes et résultats*, Paris, 1930.

годаря особенно трудам А. Росетти, Вл. Георгиева, А. Граура, Х. Барича, С. Пушкарю, Т. Капидана, П. Скока, К. Мирчева, А. М. Селищева и др. Правда, изредка раздаются голоса против балканистики и, следовательно, и против изучения общих черт, присущих языкам, входящим в этот союз¹.

Конечно, в наши дни вопрос об установлении отличительных особенностей, объединяющих румынский, болгарский, македонский, албанский, новогреческий, а иногда и сербохорватский² и словенский не вызывает особых затруднений. Гораздо сложнее дать удовлетворительное объяснение этих своеобразных сходств.

Возникновение общих черт, специфических для балканских языков, по-разному интерпретируются различными учеными. Одни объясняют их с помощью одинакового субстрата; другие в этих особенностях видят результат взаимного влияния балканских языков³; третьи говорят о их самостоятельном развитии и т. д.

Вновь рассматривая вопрос о балканском «языковом союзе», известный румынский лингвист А. Росетти показал в 1958 г., что факторы, приведшие к возникновению сходных черт в этих языках, следующие:

1. субстрат;
2. совместная жизнь балканских народов в средние века и билингвизм;
3. влияние византийской цивилизации⁴.

По мнению акад. А. Росетти, общие черты, объединяющие румынский с албанским (напр., в лексике), объясняются одинаковым субстратом⁵. Автор критикует точку зрения Э. Зейделя, который отвергает теорию субстрата, допуская, что сходство между румынским и албанским появилось позднее (примерно, в средние века).

Не отрицая роли всех этих факторов, мы все-таки должны признать, что до сих пор не удалось еще доказать, каким образом взаимные влияния между балканскими языками обусловили возникновение особенностей, присущих их структуре: развитие аналитизма, возникновение постпозитивного артикля, замена инфинитива сослагательным наклонением, образование будущего времени с помощью глагола «хотеть», совпадение дательного падежа с родительным, двойное приглагольное дополнение (прямое и косвенное) и др. От дальнейших исследований потребуется именно определить формы взаимодействия бал-

¹ Такое скептическое отношение к балканологии характерно для I. I. Russu, *ук. соч.*, стр. 120. См. критику такой концепции у AL. ROSETTI, *Istoria limbii romine*, II. *Limbile balcanice*, București, 1962, стр. 81.

² См. напр., PAVLE IVIĆ, *Les balkanismes naissants dans les parlers serbes du Banat*, «Cercetări de lingvistică», III (1958), Supliment, стр. 227—235.

³ М. Павлович считает необходимым включить вопрос о древнейших балканских процессах в комплексную проблематику средиземноморского лингвистического субстрата. См. MILIVOJ PAVLOVIĆ, *Cea de-a treia fază a studiilor de balcanistică*, там же, стр. 376.

⁴ К вопросу о балканском «языковом союзе», «Revue de linguistique», т. II, вып. 2, 1958, стр. 135—139.

⁵ Неправы те языковеды, которые в данном случае говорят о влиянии албанского на румынский. См. Р. Г. ПИОТРОВСКИЙ, *Формирование артикля в романских языках (Выбор формы)*, Москва—Ленинград, 1960, стр. 132.

канских языков в процессе создания этих (и других) особенностей. В настоящее время мы в состоянии утверждать лишь следующее: общие тенденции развития появились в условиях продолжительного контакта между балканскими народами. Население всегда было здесь двуязычным, триязычным и даже многоязычным. Однако, чаще всего общие черты вырабатывались в соответствии со структурным своеобразием каждого из этих языков и при помощи собственных средств выражения.

Особенно следует отвергнуть попытки одностороннего решения вопроса. Так, субстрат не может объяснить происхождения всех балканизмов. Тем не менее проф. С. Б. Бернштейн считает, что широкое развитие конъюнктива, утрата инфинитивной формы, употребление постпозитивного артикля и двойное прилагательное дополнение, т. е., фактически, важнейшие особенности этих языков возникли на общей основе балканского субстрата¹. Безусловно, влияние субстрата имеет как последствие образование многих структурных тождеств, но поскольку у нас почти нет данных о морфологическом строе автохтонных языков, на которых говорили на Балканском полуострове, трудно приписать их воздействию появление балканизмов².

Столь же неправильной является и тенденция объяснить генезис балканизмов (напр., распространение сослагательного наклонения, образование будущего времени и др.)³ посредством влияния одного из языков на другие. Такое воздействие может ускорять, но ни в коем случае не определять возникновение этих общих черт.

В свете вышеизложенного ясно, что вопрос о происхождении балканизмов является столь сложным, что почти о каждой особенности можно написать отдельный труд. Здесь мы остановимся вкратце лишь на некоторых из *возможных причин*, приведших к возникновению общих черт, присущих балканским языкам.

По-видимому, самым характерным балканизмом следует считать образование *будущего времени* с помощью глагола «хотеть». Об этом говорит его наличие в сербохорватском и словенском (в первом больше, во втором меньше). Однако, следы такого употребления можно найти и в старословенском. В зачаточном состоянии этот процесс обнаруживается в старославянском языке⁴. Некоторые следы употребления глагола «хотеть» в сочетании с инфинитивной формой для выражения будущего времени имеются и в старочешских памятниках⁵.

Происхождение этой черты балканских языков нельзя объяснить с помощью греческого влияния. В еще меньшей степени может быть

¹ См. *Очерк...*, стр. 13 и 24. Этой точки зрения раньше придерживался Фр. Миклошич. И Г. Вейганд считал, что возникновение балканизмов обязано влиянию фракийского языка, наследником которого является албанский.

² Ведь речь идет о преимущественно морфологических особенностях.

³ Так объяснял их Кр. Сандфельд.

⁴ О развитии будущего времени в болгарском языке см. ДОРА ИВАНОВА-МИРЧЕВА, *Развой на бъдеще време (futurum) в българския език от X до XVIII век*, София, 1962.

⁵ Наличие сходного явления в английском и немецком имеет ту же доказательную силу, что и существование постпозитивного артикля в скандинавских языках (по сравнению с его наличием на Балканском полуострове).

доказано воздействие албанского на сербохорватский¹. Остается, следовательно, интерпретация на основании общего принципа: конструкция возникла в результате контакта балканских народов в исторический период их развития.

Исключительно спорным является вопрос о происхождении постпозитивного артикля в болгарском, румынском и албанском². Несмотря на то, что между румынским и албанским языками, с одной стороны, и болгарским, с другой, имеются определенные различия³, все же возникновение этой части речи является результатом общих тенденций развития балканских языков. Не было здесь никакого механического воздействия одного языка на другой (румынского на болгарский, болгарского на румынский и албанский или греческого на все остальные). Мнение о том, что в болгарском языке артикль унаследован от праславянского неубедительно. В таком случае возник бы вопрос: почему же он не сохранился ни в одном из других славянских языков?⁴. Столь же ненаучным и неправдоподобным следует считать взгляд о возможностях калькирования (в румынском и албанском) на основании лишь формальной прозрачности артикля в болгарском⁵. Принципы его употребления в румынском и болгарском довольно часто иные. А над этим стоит подумать.

В связи с тем, что в албанском языке артикль возник позднее⁶, его нельзя объяснить с помощью субстрата⁷. Кроме того, у нас нет дан-

¹ Так объяснял образование будущего времени с *xheti* Г. Вейгад.

² См. ИВ. ГЪЛЪБОВ, *За члена в български език*, «Известия на народния музей», I, Бургас, 1950, стр. 171—227; его же, *Проблемът за члена в български и румънски език*, София, 1962. Г. СВАНЕ, *К вопросу о происхождении члена в восточной группе южнославянских языков*, «Scando-Slavica», IV, 1958, стр. 149—165 (См. обсуждение доклада в *Материалах...*, стр. 197—202). Р. Г. ПИОТРОВСКИЙ, *ук. соч.*, стр. 97—142. AL. ROSETTI, *Istoria limbii romîne*, II. *Limbile balcanice*, București, 1962, стр. 92—97.

³ См. у А. Росетти, *цит. соч.*, стр. 92 и след.

⁴ В русском языке нет артикля. Вслед за Л. Милетичем, Ив. Гъльбов считает, что в русских говорах указательная частица выполняет функцию артикля. Этой же точки зрения придерживается, между прочим, и Н. П. Гринкова, в статье, опубликованной в сб. *Памяти акад. Льва Владимировича Щербы*, Издательство Ленинградского Университета, стр. 126—135. (Здесь автор критикует С. Rasovič, который в *L'article en russe*, «Bulletin linguistique», VI, 1938, стр. 90—138, пытался доказать, что в севернорусских говорах постпозитивный член возник под влиянием скандинавских говоров, занесенных варягами). Акад. А. А. Шахматов был против того, чтобы считать севернорусское *-то* артиклем. И это справедливо. См. также П. С. Кузнецов, *ук. соч.*, изд. III, стр. 127: постпозитивная частица русских говоров не является артиклем. См. также утверждение Р. Г. Пиотровского, *ук. соч.*, стр. 106 (ссылка). См. и статью И. Б. КУЗЬМИНОЙ и Е. В. НЕМЧЕНКО, *К вопросу о постпозитивных частицах в русских говорах*, «Материалы и исследования по русской диалектологии» (Новая серия), т. III, Москва, 1962, стр. 3—32.

⁵ Этой точки зрения придерживается Ив. Гъльбов в *Проблемът за члена в български и румънски език*.

⁶ См. Р. Г. ПИОТРОВСКИЙ, *О сравнительной хронологии постпозиции определенного артикля в так называемых балканских языках*, «Вопросы славянского языкознания», вып. 4, 1959, стр. 8—20. *Формирование артикля...*, стр. 97 и след.

⁷ Против теории о воздействии дако-фракийского или иллирийского субстрата на возникновение постпозитивного артикля в болгарском, румынском и албанском выступает и Р. Г. Пиотровский, *Формирование артикля...*, стр. 97 и след. Инте-

ных, свидетельствующих о наличии определенного члена в языке автохтонного населения. А возможности его реконструкции на основе современных балканских языков отсутствуют.

Для некоторых специалистов (напр., С. Пушкирю, отчасти А. Росетти и др.) более заманчивым является внутреннее объяснение данного процесса. Однако, особенно акад. А. Росетти, не отрывает его становление от истории других балканских языков (болгарского и албанского). Тем не менее следует подчеркнуть, что этот сложный вопрос ждет еще своего окончательного разрешения¹.

Относительно *исчезновения инфинитива и его замены сослагательным наклонением* следует сказать, что это явление общее в балканских языках, но проявляется оно в разной степени в каждом из них.

Так, в болгарском языке инфинитив очень рано исчез. Особенно интенсивно этот процесс обнаруживается с XII в. В современном языке сохранились, как известно, лишь некоторые остатки старого инфинитива.

В сербохорватском и румынском языках наблюдается только известное ограничение в употреблении инфинитива, но не его утрата. Нужно сказать, что эта тенденция заметна и в других славянских языках.

Относительно румынского следует еще обратить внимание на сравнительно широкое распространение за последнее время в нем инфинитивных конструкций за счет сослагательных. Обыкновенно они встречаются только в письменном языке и обязаны своим происхождением иностранным влияниям (французскому, немецкому и русскому)². Разговорный же язык предпочитает почти всегда сослагательное наклонение.

Рано происходит процесс замены инфинитива в греческом.

Из двух диалектов албанского языка данное явление проявляется только в тоскском (гегскую область оно охватило лишь частично).

Как объяснить данный процесс?

Ответ на этот вопрос осложняется ввиду наличия подобного явления и в южно-итальянских диалектах³.

решно отметить, что далматский язык, хотя и развивался на иллирийском субстрате (до VIII в.), а в дальнейшем — в тесном контакте с албанским — все же не имеет никаких следов постпозитивного артикля (См. и Р. Г. Пиотровский, *ук. соч.*, стр. 102). М. Павлович считает (*ук. ст.*, стр. 377), что постпозицию артикля на Балканах следует изучать с учетом сходных явлений в южноитальянской лингвистической зоне и особенно с учетом данных баскского языка. Это вряд ли оправдано и напоминает нам старые попытки доказать кавказское происхождение балканского члена. По мнению Р. Г. Пиотровского и Ив. Гьльбова, в румынском постпозиция артикля возникла под влиянием старославянского языка. (О несостоятельности подобной теории см. выше).

¹ Как и в румынском, в болгарском языке имеется и неопределенный артикль (См. статью Л. П. ИВАНОВСКОЙ, *К вопросу о неопределенном члене в болгарском языке*, «Славянское языкознание», Издательство Ленинградского Университета, 1958, стр. 158—172). Это результат собственного развития болгарского языка.

² См. IORGU IORDAN, *Limba română contemporană*, București, 1956, стр. 411.

³ G. ROHLFS, *La perdita dell'infinito nelle lingue balcaniche e nell'Italia meridionale*, «Omaggio lui Iorgu Iordan», București, 1958, стр. 733—744.

Мы считаем, что полное или частичное исчезновение инфинитива в пользу сослагательного наклонения является результатом взаимодействия балканских языков между собой¹. Трудно согласиться с мнением, что здесь мы имеем дело с более древним процессом, корни которого уходят в прошлое индоевропейских языков, где будто бы существовали определенные взаимоотношения между инфинитивом и конъюнктивом².

Можно также высказать предположение, что исчезновение инфинитивной формы, как глагольной категории, имеющей много точек соприкосновения с именем, связано с переходом от синтетизма к аналитизму. Однако, это не относится ко всем балканским языкам, а только к болгарскому³ (и македонскому). В связи с тем, что распад склонения не характерен для других славянских языков, то данное явление нельзя объяснить внутренними причинами⁴. Однако, трудно согласиться с тем, что утрата инфинитива и его замена конъюнктивом объясняется греческим влиянием⁵. Может быть, таким воздействием следует объяснить положение вещей в южноитальянских говорах, где наблюдается также развитие однородной системы подчинительных предложений. А ведь там когда-то говорили по-гречески. Следовательно, только для этой области допустимо в данном случае субстратное (греческое) влияние.

По нашему мнению, неверной является концепция Э. Зейделя, согласно которому в румынском распространение сослагательного наклонения за счет неопределенного обусловлено славянским влиянием⁶.

Что касается других черт, специфических для балканских языков, можно сказать следующее: *совпадение функций дательного и родительного падежей* — это тенденция, характерная для разговорной речи; *двойное приглагольное дополнение*, вероятно, должно быть поставлено в связь с разрушением склонения⁷.

Выше вскользь шла уже речь о том, что старославянские письменные памятники содержат в зародышевом состоянии почти все те

¹ См., однако, HENRIK BARIĆ, *La perte de l'infinitif dans les langues balkaniques*, «Balkanološki Institut. Godišnjak», knj. II, Sarajevo, 1961, стр. 1—11.

² См. Р. А. БУДАГОВ, *Этюды по синтаксису румынского языка*, Москва, 1958, ст. 113.

³ См. К. МИРЧЕВ, *Историческа граматика на българския език*, София, 1958, стр. 212. О развитии болгарского языка от синтетизма к аналитизму см. монографию ИВ. ДУРИДАНОВА, *Към проблемата за развоја на българския език от синтетизъм към аналитизъм*, София, 1956.

⁴ Но и воздействием субстрата объяснить тоже нельзя.

⁵ Как думают Г. Рольфе, *цит. соч.*, стр. 742 и след.; акад. А. Росетти, *цит. соч.*, т. II, стр. 99. и Д. Копчар, SCL, XII, 1961, N. 3, стр. 361—373.

⁶ См. EUGEN SEIDEL, *Elemente sintactice slave în limba română*, București, 1958, стр. 53.

⁷ Распад склонения в болгарском и македонском (как, вообще, в балканских языках) нельзя объяснить с помощью субстрата. Ибо как отмечал еще Кр. Сандфельд, столкновение двух языков, обладающих синтетической структурой, не могло привести к аналитизму. Как показал В.Л. ГЕОРГИЕВ (*Опит за периодизация на история на българския език*, «Известия на Института за български език», II, 1952, стр. 83), в балканских языках сохранившиеся надежные формы у личного местоимения соответствуют друг другу не только количественно и функционально, но частично и формально. По мнению акад. А. РОСЕТТИ (*Istoria limbii române*, vol. III, стр. 53), распад склонения в болгарском языке обязан романскому влиянию.

особенности, которые в настоящее время считаются специфическими для балканских языков. Однако, только в дальнейшей истории болгарского языка эти черты приобрели свой современный облик, в чем, конечно, большую роль сыграли постоянные взаимоотношения с другими балканскими языками. Но это не означает, что такие контакты не имели место и раньше, до возникновения письменности. Наоборот, подобные взаимовлияния происходили с древнейших эпох, когда на Балканском полуострове говорили на фракийском, дако-мизийском и иллирийском языках. Результаты этих межязыковых связей сказались на становлении будущих балканских языков в процессе постепенного исчезновения субстратов.

На Балканском полуострове субстраты были различны, но родственны (индоевропейские). Но это только одна из возможностей объяснить наличие некоторых общих черт, характерных для современных балканских языков. Ибо при интерпретации особенностей, присущих им, надо исходить, как мы уже говорили, *главным образом, из продолжительного контакта*, установившегося между этими народами после исчезновения субстратов.

В свете новейших исследований (особенно это относится к трудам акад. Вл. Георгиева) вполне допустимо, чтобы для румынского субстратом явился дако-мизийский язык, в то время как для болгарского такую роль сыграл фракийский. Трудно утверждать что-нибудь определенно о влиянии иллирийского субстрата на сербохорватский и словенский языки¹. Можно только сказать, что совпадение *ž* и *ǰ* в сербохорватском рассматривается некоторыми авторами как влияние со стороны иллиро-пелазгийского².

Поскольку языковой материал, который наслонился на фракийский и дако-мизийский был различен (славянский, романский), мы не в состоянии реконструировать прототипы балканских субстратов³.

Следовательно, твердых оснований для объяснения балканизмов с помощью воздействия субстрата у нас нет. Тем не менее рассуждения о субстратах на основе данных современных балканских языков все же возможны. Однако, по-видимому, ими надо пользоваться только при

¹ Как показал на VI Международной конференции по классическим исследованиям (Пловдив, 24—29 апреля 1962 г.) Вл. Георгиев, иллирийский сильно отличается от фракийского: «la divergence entre ces deux langues i.-e. est à peu près la même qu'entre l'iranien et la latin». VI Международная конференция по классическим исследованиям, Резюме докладов, София, 1962, стр. 27. Автор делает такой вывод на основе подробного изучения топонимии, гидронимии, антропонимии и образования имен собственных в этих двух языках. Действительно, различия между ними огромны. Об иллирийском см. также I. I. RUSSU, *Illyrische Studien. III. Teil. Die sprachliche Stellung der Illyrier*, «Revue de linguistique», VI, 1961, 1, стр. 63—84; HEINZ KRONASSER, *Zum Stand der Illyristik*, «Балканско езикознание» («Linguistique balkanique»), IV, София, 1962, стр. 5—23. Против увлечения иллирийским субстратом в Европе (паниллиризмом) см. статью акад. AL. GRAUR, *Recherches sur le substrat du roumain*, «Studii clasice», III, 1961, стр. 19—22.

² См., напр., Milivoj Pavlović, *ук. см.*, стр. 376.

³ См. и мнение проф. С. Б. БЕРНШТЕЙНА, *Очерк сравнительной грамматики славянских языков*, Москва, 1961, стр. 24.

исследовании фонетического и лексического материала, т. к. о грамматической структуре дако-мизийского, фракийского и иллирийского мы почти ничего не знаем. Поэтому более целесообразными являются исследования вроде тех, которые проводили за последнее время Ч. Погирк и Гр. Брынкуш¹. Так, первый из них считает, что рум. *ă*, болг. *ъ* и алб. *ë* возникли под воздействием субстрата, где отклонения *a/e* свидетельствуют в пользу наличия сходной фонемы. Другого взгляда придерживается, однако, акад. Э. Петрович. Он отвергает гипотезу А. Филиппиде, согласно которой в языке фракийцев были представлены в большом количестве звуки типа рум. *ă*, *i*², и высказывает мысль о том, что присутствие фонемы *ă* в румынском обязано славянскому влиянию. Без такого влияния, по мнению проф. Э. Петровича, в румынском возник бы другой гласный, напоминающий фр. «e muet», безударное *a* в португальском и каталанском, *e* в некоторых итальянских диалектах и *ë* в албанском³.

Наличие подобных возражений указывает на то, что, безусловно, вопрос о происхождении рум. *ă*, болг. *ъ* и алб. *ë* еще не может считаться окончательно решенным.

Как будто более правдоподобным является решение вопроса о генезисе рум. *h*, предложенное (в упомянутой статье) Гр. Брынкушем.

Так, вопреки общепринятому мнению, согласно которому глухой спирант (*h*) в румынском славянского происхождения, Гр. Брынкуш выдвигает предположение, что это явление, возникшее под воздействием субстрата. В качестве доказательства автор использует, с одной стороны, сравнение с албанским языком, а с другой, промежуточные стадии, предполагаемые в эволюции некоторых латинских звуков в румынском. Нужно сказать, что такая гипотеза очень вероятна, т. к. звуки заимствуются очень трудно, но зато легко унаследуются от субстрата⁴.

Примером этому может служить и следующее явление.

Как показал акад. Вл. Георгиев⁵, в болгарском языке различные рефлексy *ѣ* (прасл. *ě* < и-е. *ē* или *oi, ai, ei*) в общих чертах унаследованы от дако-мизийского (или фракийского). Известно, что в западно-болгарских говорах *ѣ* произносится как *e* (*бел, бели*), а в восточных *e* — *'a* (*б'ал — бели*) или только *'a* (*б'ал — б'али*)⁶. Следовательно, это важный критерий для разграничения болгарских говоров.

¹ Их работы были уже цитированы в первой части настоящей статьи.

² Уж. соч., т. II, стр. 56.

³ См. *Influența slavă asupra sistemului fonemelor limbii române*, București, 1956, стр. 7—8. Отсюда вытекает, что, по мнению акад. Э. Петровича, рум. *ă* и алб. *ë* не тождественны. См. также СТ. СТОЙКОВ, *Увод в българската фонетика*, София, 1961, стр. 75.

⁴ См. и AL. GRAUR, *Studii de lingvistică generală*, București, 1960, стр. 401.

⁵ *Въпроси на българската етимология*, София, 1958, стр. 115 и след.

⁶ По этому вопросу см. СТ. СТОЙКОВ, *Българска диалектология*, София, 1962, стр. 53—55. Ятовая граница делит на две основные группы не только болгарские, но и македонские говоры. Все же черты, которые в настоящее время характерны для болгарских говоров (*ѣ* > *a*, *ѣ* > *'a*, *ѣ* > *e*) находятся в среднеболгарских памятниках.

Вопрос о происхождении этого явления осложняется тем, что и в польском языке на месте *k* имеется чередование *'a—e*, аналогичное северовосточным болгарским говорам¹: *miasto — mieście, kwiat — kwiecie, wiara — wierzyć, biały — bielieć* (ср. болг. *б'ало — бели, мл'ако — млекар, млечен, м'асто — местен, т'асно — тесен, гол'ам — големи, л'ато — летен*).

Как показывают письменные памятники, в болгарском языке *k* стал изменяться начиная с XII в².

По мнению проф. К. Мирчева³, до XV в. в болгарском языке *k* произносился как *é*.

Переход *k > e*, характерный для западноболгарских говоров, нельзя рассматривать как влияние со стороны сербохорватского языка.

Предположения акад. Вл. Георгиева о субстратном воздействии в данном случае нам кажутся правдоподобными: во фракийском первоначально *e* произносили *ă* (т. е. *ă* или *ea*)⁴. Следовательно, существуют поразительное тождество и явные связи между болгарским *яканьем* и соответствующим фракийским фонетическим явлением. Эту черту славяне могли перенять от дако-мизийцев в период между II—III и V—VI вв., когда они, до перехода Дуная, находились на территории современной Румынии⁵.

Сохранение *носовых гласных* (или их остатков) в некоторых македонских говорах правильно объясняется одними языковедами воздействием субстрата⁶. Интересно отметить, что и сохранение носовых гласных в польском языке также связывают иногда с влиянием субстрата (на этот раз балтийского).

Как и редукцию безударных гласных в русском языке, переход болг. *o > u* нельзя интерпретировать посредством субстрата, хотя подобное изменение наблюдается и в греческом, а также в румынском⁷. Но в среднеболгарском языке нет такого явления; оно возникло позднее.

В отношении фракийских элементов в болгарской *лексике* применимо то, что сказано было вообще насчет субстрата: это почти неисследованная область. Первые этимологические опыты предприняты

¹ Однако, в польском языке *ia* и *ie* развились при совершенно других условиях. См. и утверждение акад. Вл. Георгиева, *цит. соч.*, стр. 119. Следовательно, это явление специфично только для болгарского и македонского.

² Вообще вопрос о хронологизации довольно сложен.

³ *Историческа граматика на българския език*, София, 1958, стр. 108.

⁴ *Цит. соч.*, стр. 116.

⁵ Это население С. Б. Бернштейн называет *дако-славянским* (*slavi dacici*). См. его статью *A existat oare o limbă daco-slavă*, SCL, XIII, 1962, вып. 2, стр. 149 и след. В этом вопросе другой точки зрения придерживается акад. А. Росетти, См. *О славянском языке валашских грамот XIV—XV вв.*, «Бюллетень научной информации. Общественные науки», I, Бухарест, 1962, стр. 132—134.

⁶ См. Э. Петрович, *Ответы...*, стр. 215. О последовательных этапах исчезновения носовых гласных в македонских говорах см. В. М. ИЛЛИЧ-СВИТЫЧ, *О стадиях утраты ринезма в юго-западных македонских говорах*, «Вопросы славянского языкознания», вып. 6, 1962, стр. 76—88.

⁷ Что послужило поводом для его толкования как явление, возникшее в силу сохранения артикуляционных навыков, свойственных местному населению до прихода славян.

Вл. Георгиевым¹, который также специально занимался изучением болгарских топонимических и гидронимических названий².

Акад. Вл. Георгиев открыл в болгарском языке и говорах определенное количество слов, унаследованных по-видимому от фракийского³.

Хотя в тот период, когда славяне проникли в восточную и центральную часть Балканского полуострова фракийский (и дако-мизийский) в основном вытеснялись латинским и греческим, все же кое-где им (ими) пользовались. Следы фракийского субстрата имелись, конечно, в языке местного населения, которое перешло на латинский или греческий. Славянское население постепенно ассимилировало автохтонное. Длительный контакт (период двуязычия) привел к тому, что в болгарский язык вошло (непосредственно от сохранившегося еще фракийского населения или же от населения, подвергнувшегося сильному воздействию со стороны латыни или греческого) некоторые лексические элементы субстратного происхождения⁴.

Элементы субстрата имеются не только в топонимии и гидронимике, но и в антропонимии. Примером может служить недавнее исследование проф. Ив. Дуриданова⁵, подробно изложивший это на материале фракийских личных имен, унаследованных в болгарском⁶. Конечно, многое здесь следует уточнить и особенно осторожно интерпретировать. Ибо существует опасность приписать субстрату то, что, фактически, более позднего происхождения.

★

В славянских языках имеются, конечно, и другие явления, допускающие объяснение посредством субстрата. Их раскрытие и интерпретация, как и более подробное толкование уже известных, дело будущего.

¹ *Въпроси на българската етимология*, стр. 35—46. Его же, *Problema substratului balcanic în lexiconul limbii bulgare*, «Omagiul lui Iorgu Iordan», București, 1958, стр. 325—331.

² О некоторых финно-угорских элементах в русской гидронимике, см. новейшую работу В. М. ТОПОРОВА и О. Н. ТРУБАЧЕВА, *Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья*, Москва, 1962. О топонимике см. Б. А. СЕРЕБРЕННИКОВ, *Волго-окская топонимика на территории европейской части Советского Союза*, «Доклады и сообщения Института языкознания Академии наук СССР», т. VIII, 1955, стр. 120—134.

³ Некоторые из них имеют соответствия в других (особенно южнославянских) языках.

⁴ См. примеры в указанных выше работах акад. Вл. Георгиева. И в русском языке имеются словарные следы прежних языков. См. исследование А. И. ПОПОВА, *Из истории лексики языков Восточной Европы*, Издательство Ленинградского Университета, 1957. Автор рассматривает историю и этимологию многих русских слов прежде всего с учетом контакта с финно-угорскими, монгольскими, тюркскими и другими языками. См. и статью Л. А. ИВАШКО, *Заемствованные слова в печорских говорах*, «Очерки по лексикологии, фразеологии и стилистике», Издательство Ленинградского Университета, 1958, стр. 84—103.

⁵ См. IVAN DURIDANOV, *Der thrakische Einfluss auf die bulgarische Anthroponymie*, «Балканско езикознание» («Linguistique balkanique») т. II, София, 1960, стр. 69—86.

⁶ Одновременно автор устанавливает соответствия в сербохорватском и албанском языках.

III

Рассматривая вопрос о влиянии субстрата на славянские языки (и диалекты)¹, мы установили некоторые общие принципы, которые надо учесть при изучении сложных проблем, связанных с действием этого фактора.

Прежде всего, объяснение при помощи субстрата допустимо лишь в том случае, если в нашем распоряжении имеются данные, свидетельствующие о наличии коренного населения на территории, занятой впоследствии другими племенами (или народностями). Особенности языка автохтонного населения можно установить непосредственно или через посредство родственных языков и наречий, сохранившихся до сих пор.

Как и *адстрат* или *суперстрат*, влияние *субстрата* не следует рассматривать как механическую форму воздействия одного языка на другой. В условиях *билингвизма* — без которого, собственно говоря и немислимо влияние одного языка на другой — субстрат может вызывать, но и только ускорять внутренние тенденции развития, характерные для данного языка.

Нет индоевропейского языка, который не смешался бы с языками коренного населения. Одно время некоторые языковеды, исходя из неправильного отождествления речи с расой, утверждали, что германские языки, напр., сохранили свою чисто протоиндоевропейскую систему благодаря тому, что предки древних германцев якобы не смешались с прежним населением. Известно, однако, что некоторые новообразования, специфические для германских языков, могут быть объяснены только при помощи субстрата. Так объясняют, напр., передвижение согласных А. Мейе, Т. Э. Карстен, З. Файст, Д. Дечев, Х. Гюнтерт, Ф. Риббеццо и др., несмотря на то, что пока еще не удалось определить этническую принадлежность населения, на которое наслоились индоевропейцы — германцы². Впрочем, то же самое следует сказать и о «средиземноморском субстрате», который будто бы повлиял на латинский, греческий, испанский, румынский и албанский языки³.

Действительно, в образовании индоевропейских языков большую роль принадлежит субстратам, различным на различных территориях⁴.

¹ И привлекая, в известной степени, также другие данные.

² Германское передвижение согласных многими языковедами объясняется воздействием субстрата, несмотря на то что для него имеются аналогии в армянском, хеттском, тохарском, фракийском и осетинском. По мнению В. И. Абаева (*ук. соч.*, стр. 515—516), причину первого передвижения согласных в германских и соответствующего явления в осетинском следует все же искать в субстрате. То же самое можно сказать и относительно хеттского.

³ См., напр. В. ЧИХАРЖА, *Характерные черты средиземноморского субстрата*, «Сообщения чехословацких ориенталистов», Москва, 1960, стр. 107—118. Критику этой концепции см. у В.Л. ГЕОРГИЕВА, *La toponymie ancienne de la péninsule Balkanique et la thèse méditerranéenne*; его же, *VII Международный конгресс по ономатическим наукам*, «Български език», XI (1961), кн. 3, стр. 271—276.

⁴ Результаты такого контакта ощутимы во всех сторонах языка, в том числе в семантике, идиоматике, а также в психологии, нравах, народном творчестве и др.

Иначе, мы не смогли бы объяснить развитие *разных* (но родственных) языков из *тождественных* (или, во всяком случае, *близких*) диалектов. Допущение влияния субстрата на индоевропейские языки тем более правдоподобно, что еще в древнейшую стадию их эволюции, наряду с общими особенностями, между ними существовали и значительные расхождения. Так, в индийском не только церебральные согласные свидетельствуют о наличии дравидийского элемента, но и праkritское склонение.

Разумеется, специфические особенности развития индоевропейских языков не следует объяснить только воздействием субстрата¹, как об этом думали Г. Хирт, А. Мейе, Ю. Покорный и др. Вообще, в индоевропеистике XX в. теория субстрата явилась излюбленным (и очень удобным) средством для толкования особенно фактов, относящихся к «предыстории». Возможно — и даже очень вероятно — чтобы отдельные фонетические, лексические и грамматические особенности индоевропейских языков имели своим источником прежние языки, на которых когда-то говорили в Европе и Азии. Но когда у нас нет конкретных (достоверных) исторических данных, свидетельствующих о наличии таких языков и племен, говоривших на них, мы не имеем права приписать их влиянию возникновение тех или иных специфических новообразований. Известна в этом отношении фантастическая гипотеза, выдвинутая Ю. Покорным, пытавшимся объяснить особенности древнеирландского синтаксиса с помощью берберского субстрата². Однако, нет исторических показаний, говорящих о наличии хамитического элемента на территории Британии до прихода туда кельтов.

Для теории субстрата поучительна история осетинского языка. По мнению В. И. Абаева³, изучение отношений между осетинским и кавказскими языками может вообще объяснить механизм становления всех индоевропейских языков⁴. Отсюда можно вывести следующее заключение: влияние субстрата допустимо только если языковой факт не стоит изолировано (в том смысле, что должны быть налицо и другие данные, свидетельствующие о подобном воздействии). Так, переход лат. *ū* во фр. *ū*⁵ может быть объяснен с помощью субстрата и на основании того, что имеются и другие процессы, обусловленные кельтским влиянием, как напр., переход *kt > jt*⁶, назализация гласных перед носовыми

¹ Необходимо иметь в виду, напр., дифференциацию и интеграцию, которые также вызвали некоторые специфические особенности индоевропейских языков.

² О неиндоевропейском субстрате в древнеирландском говорил раньше Г. Циммер.

³ Цит. соч., стр. 110.

⁴ См. выше (первую главу).

⁵ Несмотря на то, что для перехода *u > ū* имеются аналогии в древнегреческом и староправославском, все же объяснение посредством кельтского субстрата более правдоподобно и на том основании, что *ū > ū* не только во Франции, но и в северной Италии, в некоторых ретороманских диалектах, где засвидетельствовано наличие кельтского элемента. В кельтском *ū > i* через промежуточную стадию *ŭ* (См. примеры у Г. ЛЬЮИСА и Х. ПЕДЕРСЕНА, *Краткая сравнительная грамматика кельтских языков*, перевод с английского, Москва, 1954, стр. 31).

⁶ И в португальском переход *kt > jt* можно объяснить влиянием кельтского субстрата.

согласными, дифтонгизация $e > ei$ и др. То же самое следует сказать и об испанском, в котором начальное лат. f было заменено h ¹. Этот факт неизолированный. Ибо в испанском, португальском и каталанском имеется также два вида r : r и rr (раскатистое r), наличие которых опять-таки обязано кельтскому субстрату. К сожалению, при интерпретации подобных явлений романисты не сумели включить субстрат в общую теорию билингвизма².

Объективно заслуги сторонников теории субстрата велики: они отстаивали в науке принцип объяснения причин языковых изменений³. Это была, фактически, первая реакция против дескриптивизма младограмматиков. Мы согласны, однако, с утверждением А. Мартине, что явления, вызванные воздействием субстрата, не столь многочисленные в системе языка. Но необходимо считаться и с тем, что эти тенденции проявляются везде. В этом смысле ни славянские языки не составляют исключения. В настоящее время в основном только представители структурализма выступают против возможности воздействия субстрата. Однако, следует иметь в виду, что структурализм не в состоянии объяснить всех языковых процессов⁴. Собственно говоря, это не что иное, как новый подход к изучению лингвистических явлений, не исключающий использования старых (но оправдавших себя) приемов исследования. То же самое следует сказать и об экспериментальной фонетике (по сравнению с тем, что учение о звуках представляло до ее создания). Вообще, влияние субстрата не так уж отличается от обычного влияния одного языка на другой в условиях контакта и взаимного общения говорящих⁵.

¹ Относительно перехода $f > h$ в испанском см. недавнюю статью BERTIL'a MALMBERG'a, *Le passage castillan f > h — perte d'un trait redonnant?*, « Cercetări de lingvistică » (Mélanges linguistiques offerts à Emil Petrovici par ses amis étrangers à l'occasion de son soixantième anniversaire), III (1958), Supplément, стр. 337—343. О роли субстрата в этом процессе см. Г. В. СТЕПАНОВ, *Испаноамериканская речь и субстрат*, «Проблемы языкознания» (сборник в честь академика И. И. Мещанинова), Издательство Ленинградского университета, 1961, стр. 214.

² См. и А. МАРТИНЕ, *Принцип экономии в фонетических изменениях (Проблемы диахронической фонологии)* (перевод с французского), Москва, 1960, стр. 33. См. также Э. Зейдель, *Материалы...*, стр. 439: «Мы не должны сейчас идти дальше влияний, объясняемых с точки зрения теории билингвизма. А тот, кто хочет под субстратом понимать нечто большее, неизбежно попадет в трудное положение». См. также В. А. Звегинцев, *ук. соч.*, стр. 215—218.

³ Особенно это относится к фонетическим преобразованиям. Фактически, влияние субстрата распространяется и на другие стороны языка: словарный состав, морфология, синтаксис; следы субстрата сохраняются также в топонимии, ономастике. (Для болгарского языка см. в особенности исследования акад. Вл. Георгиева и проф. Ив. Дуриданова). В меньшей степени субстрат затрагивает словообразование. Раньше вопрос о воздействии субстрата рассматривался односторонне. Так, G. I. Ascoli и G. Gröber допускали такое влияние только на фонетическую систему латыни провинций в процессе ее превращения в романские языки. Однако, G. Mohl считал, что следы субстрата сохраняются только в словаре.

⁴ Особенно это относится к диахроническим проблемам. См., напр., статью В. MALMBERG'a, *Linguistique ibérique et ibéro-romane. Problèmes et méthodes*, « Studia linguistica », XV (1961), No. 2, стр. 57—113.

⁵ Необходимо подчеркнуть, что субстрат нельзя рассматривать только как нечто внешнее по отношению к языку, на который он влияет. Ведь в условиях билингвизма системы взаимопроникают.

С другой стороны, для объяснения спорных вопросов противники теории субстрата не смогли привести более веских доказательств, чем те, которыми оперировали ее сторонники (см., напр., вопрос о происхождении цоканья). Даже конвергентное развитие не исключает возможности субстратного влияния. Так, постпозитивный артикль в румынском, болгарском и албанском следует рассматривать как конвергентное развитие (при наличии балканизмов, происхождение которых следует искать в воздействии субстрата).

Существуют, конечно, трудности в определении роли субстрата в жизни языков¹, однако, это не значит, что его надо исключить из объяснений, которыми мы оперируем в историческом языкознании при интерпретации славянского материала.

¹ Так, иногда трудно отличить субстратные элементы от позднейших заимствований. См. также В. А. Звегинцев, *ук. соч.*, стр. 215: «не всегда ясна граница между заимствованием и субстратом (или суперстратом), особенно когда речь идет о лексических элементах». Тем не менее, глубокий анализ позволяет разобраться и в этих сложных проблемах (даже когда дело касается более отдаленных времен). Так, напр., в тохарском имеются тибетские элементы, но и элементы, возникшие под влиянием финно-угорского субстрата.